

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(1): 39-46

DOI: 10.13187/rs.2021.1.39
www.ejournal15.com

Social Consequences of the September 1927 Earthquake in Crimea

Diana D. Chelpanova ^{a,*}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article presents the analysis of the social consequences of earthquakes in the Crimea (southern coast) that occurred in June and September 1927 and the elimination measures taken by the Soviet leadership. The September earthquake had disastrous social and economic consequences. The total damage from the destruction was estimated at 44 million rubles. The Yalta and Sevastopol regions of Crimea suffered the greatest damage. The local peasants, who lost their homes, as a result of a natural disaster, found themselves in a disastrous situation. The situation was exacerbated by an increase in infectious diseases and a lack of medical care, which led to an epidemic that killed hundreds of people. Medical, educational, sanatoria and health resorts and housing resources suffered significant damage. The situation in Crimea was complicated by crop failure. The measures taken by the Soviet leadership to eliminate the consequences of the disaster were of an all-Union character. Humanitarian aid came from various regions, including through the media covering the tragedy.

Keywords: social consequences, earthquake, dangerous natural phenomena, natural disaster, Crimea, 1927, southern coast of Crimea, liquidation acts.

1. Введение

В России более трети всех чрезвычайных ситуаций природного характера происходят на юге страны, что обуславливает актуальность исследования социальных последствий стихийных бедствий. Ретроспективный анализ и обращение к архивным источникам позволяет глубже исследовать взаимовлияние опасных природных явлений и социальных процессов в границах прибрежной зоны Азово-Черноморского региона, выявить новые знания о событиях прошлого и изучить советский опыт борьбы с последствиями природной стихии, в частности землетрясений.

2. Материалы и методы

В статье были использованы общенаучные методы, метод анализа документов (научные работы, архивные материалы, воспоминания очевидцев, документы официальных государственных структур и ведомств), кейс-стади (анализ социальных последствий природного стихийного бедствия). О катастрофических последствиях землетрясений в Крыму в июне и сентябре 1927 г. свидетельствуют материалы, опубликованные в отечественной научной литературе (Лебедев, 1927; Двойченко, 1928; Кельин, 1928;

* Corresponding author

E-mail addresses: chelpanova@ssc-ras.ru (D.D. Chelpanova)

Пустовитенко и др., 1989; Никонов, 2003) и выявленные во время работы в Государственном архиве Республики Крым (далее – ГАРК). В первую очередь это секретный документ «Положение крестьянства на Южном берегу Крыма», подписанный председателем Крымского ЦИК и Правительственной комиссии В. Ибрагимовым.

3. Обсуждение и результаты

Крымское землетрясение 11–12 сентября 1927 г. имело катастрофические социально-экономические последствия. Ему предшествовало другое землетрясение магнитудой 6 баллов, произошедшее 26 июня 1927 г., с эпицентром, находившимся на дне Черного моря между Ялтой и Алуштой (Пустовитенко и др., 1989: 42-55). По свидетельствам очевидцев, собранным в ходе работ сейсмолога А.А. Никонова, при первом землетрясении серьезных разрушений и жертв не было, в основном пострадали стены зданий, треснувшие в некоторых местах, штукатурка и предметы, упавшие с полок (Никонов, 2003). Опубликованные воспоминания позволяют представить, как начиналось июньское землетрясение и какими были его последствия: «Шел второй час дня. Город Ялта был почти пуст, т.к. все жители попрятались от жары в домах. Вдруг пустынные улицы ожили и переполнились перепуганными жителями. Сонное безмолвие резко сменилось шумным говором. Все спрашивали друг друга, что случилось. Все слышали какой-то сильный удар, от которого затряслись дома... Многие думали, что это стреляют где-то из пушки. Прошло 7–8... секунд, и только тогда догадались, что произошло землетрясение. Все ждали второго толчка, но второго толчка не было. Только в горах спустя несколько часов в некоторых местах ощущались повторные удары, но значительно меньшей силы, чем первый. Вечером все боялись войти в дома, так как ждали еще подземных ударов и боялись быть раздавленными в домах. Всю ночь провели на улицах. Во время землетрясения в Крыму многие горы осыпались, но серьезных разрушений не было» (Лебедев, 1927: 36-37).

Июньское землетрясение вызвало лишь небольшие повреждения на южном побережье Крымского полуострова, в основном в районе Фороса – Кикенеиза. Оно оказало главным образом эмоциональное воздействие на жителей и туристов Крыма, которых охватила паника. Приезжие, испугавшись повторных подземных толчков, поспешили вернуться домой (Двойченко, 1928: 77-99; Никонов, 2003: 72-81).

К значительно большим разрушениям привело сентябрьское землетрясение, магнитуда которого составила в среднем 6,8 баллов. Максимальной разрушительной силы, которая составила 8 баллов, оно достигло в районе Большой Ялты. В Севастополе, Симферополе и Алуште – 7 баллов, в Феодосии и Евпатории – 6 баллов, в Керчи – 5 баллов, в Новороссийске и Ростове-на-Дону – 4 балла, в Одессе и Киеве – 3 балла (Никонов, 2003: 74).

Н.В. Кельин утверждал, что землетрясение в Ялте, которое он наблюдал лично, началось во время грозы, а первый толчок силой в 2 балла был зафиксирован 11 сентября в 21:21. По его мнению, главный толчок произошел в 00:14–00:15, после него раздался страшный гул, уходивший в сторону гор. Здание гостиницы «Марино» совершило несколько мелких колебаний в сторону моря. Во всем городе отключилось электричество. На фоне подземного гула был слышен треск зданий, похожий на звук ломающихся гигантских сухих костей. Волнение моря неожиданно стихло. Спустя 10–15 сек. (по другим данным, до 40 сек. и более 1 мин.), все успокоилось и вновь включилось электричество. Спустя 1–2 мин., в 00:16–00:17, произошел еще один толчок, который сопровождался сильным, но непродолжительным гулом. Городское электричество снова погасло. После первого же толчка испуганные полураздетые люди в панике стали покидать здания (Кельин, 1928: 18-23).

Один из очевидцев свидетельствовал: «Испуг населения был так велик, что уже во время первого толчка начали раскрываться окна, из которых доносились... вопли... между первым и вторым толчками начали выбегать босые, раздетые, в одном белье, с накинутыми на плечи простынями и одеялами люди, которые жались испуганной толпой подальше от зданий и стремились найти пристанище на узком бечевнике... Начались истерики и стоны... люди боялись возвращаться в здания» (Кельин, 1928: 18-23). Сильным подземным толчкам предшествовало беспокойное поведение животных, чувствовавших приближение природного бедствия. «Собаки, собравшись со всего города в стаи, особенно перед

наступлением сильных толчков, с жалобным воем вылетали из темноты, и их вой усиливал зловещее впечатление, примешиваясь к разноголосым звукам отчаяния, раздававшимся из человеческой толпы» (Кельин, 1928: 18-23).

Общий ущерб от крушения и повреждения зданий первоначально был оценен в 34 млн рублей, впоследствии – в 44 млн рублей (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 5). Потери распределялись по отдельным отраслям следующим образом: ущерб коммунальному фонду составил 20 млн рублей, лечебной сети – 1,2 млн рублей, учебной сети – 800 тыс. рублей, местным трестам – 2 млн рублей, местным курортам – 2,6 млн рублей, крестьянским хозяйствам – 5 млн рублей, фонду Главного курортного управления Народного комиссариата здравоохранения РСФСР (Главкуруп) – 5,6 млн рублей, учреждениям федеративного и союзного значения – 2,7 млн рублей, кооперациям – 1,2 млн рублей, частным владениям – 3 млн рублей.

Землетрясение негативно отразилось не только на крымских курортных учреждениях, но и на положении местного крестьянства, о катастрофичности проблем которого стало известно после правительственного обследования в декабре 1927 г. В результате был подготовлен документ «Положение крестьянства на Южном берегу Крыма», имевший секретный гриф (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 4-7). Как указано в документе, обследование было вызвано многочисленными непрерывными обращениями пострадавшего населения в Крымский ЦИК и Правительственную комиссию по ликвидации последствий землетрясения. По подсчетам декабрьской комиссии, табаководству Ялтинского, Севастопольского и Бахчисарайского районов был нанесен ущерб (разрушения и повреждения сараев, парниковых рам и т.п.) в размере 366 355 рублей. Данная сумма производственных убытков крестьянства не фиксировалась в предварительных подсчетах ущерба от землетрясения (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 4-7).

Наибольший урон землетрясение нанесло Ялтинскому и Севастопольскому районам Крыма. В результате сентябрьского землетрясения пострадало 830 человек, из них 16 человек погибло, 34 человека получили тяжелые ранения, 128 человек – ранения средней тяжести, 652 человек – легкие ранения.

В Ялтинском районе пострадали все 29 населенных пунктов. Из 7515 жилых строений пострадали 3529 (47 %), в том числе совершенно разрушены были 629 (9 %). Около 30 % населения (до 9 тыс. человек) не смогли вернуться в свои дома, 1,5 тыс. местных жителей покинули район (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 5).

С начала землетрясения был построен 421 временный барак (213 общественных и 208 индивидуальных). Однако некачественно построенное временное жилье оказалось совершенно непригодным для проживания в зимний период. В документах комиссии, проводившей оценку положения крестьянства южного побережья Крыма, временные бараки характеризуются следующим образом: «Набитые в землю стояком бревна, забранные с боков изредка досками, а в громадном большинстве – фанерой в однорядку. Крыши тоже не везде жестяные, очень часто материалом для них служила та же фанера. Местами целые стены сделаны из стеклянных рам табачных парников, представляя большую площадь охлаждения» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 5). В тех же материалах отмечались плохие условия проживания во временных постройках: «В морозы (в этом году они достигают небывалой величины) крыши [бараков] промерзают... под действием тепла от жестяных печей они [промерзшие крыши] начинают оттаивать и течь. Во время ливней (а они здесь постоянно чередуются с морозами) сырость набирается в барак снизу» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 5).

В бараках было очень тесно, площадь проживания на одного человека в среднем составляла всего около 0,5 кв. м. В таких условиях, как сообщалось в документе, жильцы в одном помещении «спят, едят, справляют другие физиологические особенности, здесь же занимаются папушовой (связывание листьев табака в пачки, папуши) табачных листьев, отравляя детей табачной пылью» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6). В материалах комиссии даны образные описания бараков и землянок, в которых ютилось местное население: «Полы в бараках земляные. Бараки представляют из себя зрелище, повергающее в ужас, они кажутся жилищами каких-то полудиких племен. Особенно производят жуткое впечатление землянки – норы в земле, кое-как прикрытые сверху фанерой» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6). Об ужасах нищеты, убогости и страданиях местных жителей

свидетельствуют следующие описания: «...обитатели барачков окружают нового человека в надежде на какую-нибудь помощь или желая поделиться своим горем... Полуодетые женщины мусолят без мыла в деревянных корытах какое-то отрепье. Подростки волокут на себе вязанки валежника, за которым... нужно идти за 10 верст... По снегу или полузамерзшей декабрьской слякоти шлепают босыми ногами дети» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6).

Положение пострадавшего населения усугублялось высоким уровнем инфекционных заболеваний (брюшного тифа, паратифа) и нехваткой медицинской помощи: «Из каждой двери несутся бухающие звуки коклюша... прячут в... землянках скарлатинозных детей... Довольно часто можно встретить в бараке вместе с держащимися еще на ногах сородичами давно уже валяющегося под тулупом татарина, больного, как здесь говорят “простудой”» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6).

Приработки крестьянства, связанные с курортным промыслом, прекратились. Взрослое мужское население вследствие этого постоянно находилось в жилищах. Из-за разрушений школ «51 % детей школьного возраста... не посещают занятия... эти дети либо бегают по стуже, либо ютятся в бараках, которые и без того перегружены жильцами сверх всякой меры» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6). Специалисты, обследовавшие бараки, представили свои отзывы об этих жилищах: «Очень низкие и холодные» (Алупка); «Жители живут в полуразрушенных домах ввиду непригодности фанерных построек для зимнего жилья» (Аутка); «С наступлением холодов наличие барачков равносильно тому, что пострадавшие без крова» (Кизил-Таш); «В связи с наступившими холодами жить в бараках совершенно невозможно. Население устраивается в уголках разрушенных комнат» (Кучук-Ламбат)» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6).

В документе отмечалось, что имелся значительный и совершенно пустовавший в зимнее время курортный фонд в Алуште, Гурзуфе, Гаспре, Кореизе, Алупке, Кунук-Ламбате, Аутке, Мисхоре, Симеизе, Никите. Между тем только в Гурзуфе более 500 детей содержались в бараках, непригодных для проживания. Хотя в этом же месте военно-курортная станция и Главкурупр имели «около 15 больших зданий, нижние этажи которых исправны или незначительно пострадали в результате землетрясения. Первые этажи зданий могли бы вместить всех пострадавших, проживающих в некачественных временных постройках, ютящихся в настоящее время в звериных условиях барачков» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6). Наличие пустовавшего курортного фонда, который мог принять всех проживавших в ветхих бараках, вызывало резкое возмущение среди крестьян, «выражающих свое недовольство посредством обращений в КрымЦИК и ВЦИК» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6).

В Алуште, Гурзуфе, Гаспре, Кореизе, Алупке, Кунук-Ламбате, Аутке, Мисхоре, Симеизе, Никите, где имелся местный и государственный курортный фонд, в жилье нуждались 3500 человек. При условии предоставления каждому из них по 4 кв. м требовалась площадь размером в 14 000 кв. м или 400 комнат средней площадью в 35 кв. м в имеющемся курортном жилищном фонде, что являлось «величиной совершенно незначительной» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6).

Крестьянство выражало недовольство местными органами власти, которые, по их мнению, «не хотят вырвать его из барачных могил, когда кругом пустуют дворцы» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6). Переговоры о предоставлении крестьянам части пустовавших курортных зданий до весны не увенчались успехом. Представители курортных учреждений отказались предоставить помещения крестьянам, обосновывая это тем, что нуждающиеся в жилье были нечистоплотны и могли испортить, «загадить» санатории и дома отдыха, на восстановление которых потребовались бы большие финансовые средства, что могло повлиять на срыв очередного курортного сезона. Подобная точка зрения, согласно документу, «могла навредить советской власти, пошатнув свой авторитет в глазах крестьянства» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6). В документе утверждается, что «татарский крестьянин очень чистоплотен, что даже в полупещерной землянке он поддерживает чистоту и порядок и нет оснований бояться, что он навредит санаториям в период временного проживания в них. К сезону в этих зданиях потребуется дезинфекция, побелка... местами покраска. Если... предположить, что на каждую комнату пришлось бы истратить 50 руб., это даст при 400 комнатах всего 20 тыс. руб... Одновременно нужно...

развернуть работы... по восстановлению... и по новой стройке крестьянских жилищ» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6).

Пострадавшая от землетрясения лечебная сеть также нуждалась в восстановлении. Медицинская помощь не удовлетворяла потребностей населения. Если до катастрофы в Ялтинском районе было 7 больниц на 144 койки, то после землетрясения сохранилась только одна больница на 8 коек. Из разрушенных зданий в менее пострадавшие были перенесены 99 коек, но условия работы в них все равно не отвечали самым скромным требованиям. О Кизил-Ташской больнице в документе говорилось, что «временное помещение больницы ужасное. Сквозь фанерную необмазанную стену дует. Топлива нет. В небольшом помещении расположено 15 больных, из которых один с подозрением на тиф» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6). В подобном положении находились другие больницы и амбулатории. Из шести амбулаторий сохранились только три, одна из которых закрылась, а две были развернуты в неподходящих местах. В Гурзуфе амбулатория была расположена на летней террасе сельского совета, отапливалась она жестяной печью. Больные мерзли, ожидая своей очереди под открытым небом. Ежедневная пропускная способность амбулатории составляла 30–40 больных. На террасе также располагался зубной кабинет.

В указанный обстановке обострились простудные заболевания, из которых на первом месте был грипп. Увеличилась детская заболеваемость корью, коклюшем, скарлатиной. Так, в деревне Лименах 45 из 60 детей заболели коклюшем. В двух других деревнях Ялтинского района в течение одного месяца умерло от скарлатины больше 100 детей. В Бахчисарайском районе из-за скарлатинозной эпидемии закрылись 5 школ. Эпидемия скарлатины в пострадавших от землетрясения районах быстро распространилась и приняла такие масштабы, что Севастопольский бактериологический институт оказался не в состоянии удовлетворить заказы районов на вакцину.

В результате землетрясения сильно пострадала учебная сеть. В Ялтинском районе вместо прежних 38 школ с 4162 учащимися осталось 15 школ с 1842 учащимися, 1118 детей обучались в непригодных условиях – в бараках, сараях, в холодных полутемных помещениях. Но так как и этих помещений не хватало, то часть школьников из Кикенеиза занималась прямо под открытым небом. При страшной нищете крестьянства многие школьники были разуты, девочки осенью ходили в ситцевых платьях. В подобных условиях более половины детей школьного возраста – 2320 школьников – остались вообще за рамками учебного процесса. Это обстоятельство, как утверждает в документе, особо болезненно переживалось крестьянством: «Органы народного образования заваливаются ходатайствами об открытии школ. О том же говорят многочисленные ходоки» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 7).

Пострадавшее от землетрясения местное крестьянство испытывало острую нужду во всем, начиная с жилища и заканчивая продовольствием. Нарастание бедности, недостаточность медицинской помощи, угроза эпидемий, высокий уровень детской смертности – это общие негативные последствия, с которыми столкнулось местное крестьянство, проживавшее на южном побережье Крыма.

Ситуация в Крыму усугубилась недородом – стихийным бедствием, постигшим в 1927 г. несколько районов Крыма (Керченский, Феодосийский, Евпаторийский, Джанкойский и др.). Площадь погибших (полностью или частично) посевов продовольственных культур составила около 75 тыс. десятин, или 22,7 % всего озимого клина. Погибли все посевы на площади около 40 тыс. десятин. Всего было поражено недородом свыше 10,5 тыс. крестьянских хозяйств, главным образом маломощных бедняцких и середняцких, составлявших 14 % от общего количества хозяйств. Из пострадавших от недорода (в общей сложности 46,5 тыс. человек) около 21 тыс. человек нуждались в неотложной продовольственной помощи. Еще хуже обстояли дела с кормом для скота. Дефицит фуража определялся в количестве не менее 5 млн пудов, между тем ассигнования на оказание пострадавшему населению фуражной помощи были незначительны.

Сразу после сентябрьского землетрясения средства массовой информации широко поддержали кампанию за помощь Крыму – как своевременным информированием, так и специальными статьями. Центральные газеты «Известия», «Правда» и ряд провинциальных изданий открыли прием пожертвований в пользу пострадавших

от землетрясения в Крыму, публикуя воззвания и обращения. Местная газета «Красный Крым» выпустила специальное приложение о землетрясении. В Москве под редакцией Н.А. Семашко вышел иллюстрированный журнал «Помогите Крыму», в котором приняли участие не только государственные и общественные деятели, но и представители научной сферы: Н.К. Крупская, Е.М. Ярославский, А.В. Луначарский. Все собранные этим изданием средства поступили в распоряжение Комитета по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения в Крыму. Впоследствии интерес к крымскому землетрясению на страницах центральной печати снизился. Недостаточно освещались последствия стихийного бедствия, в результате которого пострадавшие крестьяне южного побережья Крыма находились в ужасающем положении (ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 332. Л. 267).

Широкую кампанию по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения развернула Украинская ССР (далее – УССР). Всего «мелкими пожертвованиями» из УССР было получено 75 тыс. рублей. При всех окружных исполкомах УССР были образованы аналогичные комитеты, оказывавшие поддержку Крыму.

Финансовую помощь также оказал ряд органов государственной власти: Московский городской Совет депутатов трудящихся выделил 30 тыс. рублей, Ленинградский городской Совет депутатов трудящихся – 15 тыс. рублей, Наркомат социального обеспечения РСФСР – 5 тыс. рублей, Центральный исполнительный комитет Белорусской ССР – 5 тыс. рублей, Бакинский Совет депутатов трудящихся – 5 тыс. рублей, Центральный исполнительный комитет Казахской АССР – 5 тыс. рублей. Центральный исполнительный комитет Дагестанской АССР выслал 3 вагона оконного стекла. Всего поступило от всесоюзных организаций порядка 150 тыс. рублей (ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 332. Л. 266).

Значительную роль в получении гуманитарной и финансовой помощи для пострадавших сыграло Крымское представительство при Президиуме ВЦИК. Оно информировало средства массовой информации и центральные учреждения о положении в Крыму, договаривалось о мероприятиях по оказанию помощи организациям. Центральный комитет Российского общества Красного Креста организовал в Москве недельный кружечный сбор в фонд помощи пострадавшим от землетрясения.

Вследствие землетрясения многие местные жители перенесли сильное нервное потрясение, проявились и психические заболевания. Паническими настроениями были охвачены пострадавшие в Ялтинском районе, в результате чего в первые дни после землетрясения порядка 40 тыс. человек покинули его (ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 332. Л. 259). Среди них были отдыхающие, лица, находившиеся на лечении, служащие, батраки и местные крестьяне. Согласно данным Крымского статистического управления, численность гражданского населения за 1927–1928 гг. сократилась на 4,7 тыс. человек в г. Ялте и увеличилась на 1,2 тыс. человек в Ялтинском районе.

В архивном деле «Материалы по восстановлению в Крыму зданий, пострадавших от землетрясения» содержится документ, в котором были указаны меры по борьбе с паникой, в частности в Ялтинском районе. Среди населения распространилось чувство неуверенности, тревожности и подавленности: «Даже среди крестьянского населения имели место случаи, когда пострадавшие крестьяне бросали свои хозяйства и выезжали из Ялтинского района» (ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 332. Л. 259).

Панические настроения среди населения усилились после появления в центральных газетах сообщений о вероятных оползнях и провалах, которые могли случиться в ближайшее время на Крымском полуострове вследствие землетрясения. Для успокоения населения и снижения панических настроений было опубликовано официальное сообщение Крымского ЦИК, в котором указывалось, что «мерами Крымского правительства произведено обследование землетрясения, как крупными научными авторитетными силами Центра, так и силами представителей науки в Крыму; имеется определенное заключение о том, что каких-либо катастрофических явлений в виде провалов, затопления морем или вулканических извержений в Крыму быть не может» (ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 332. Л. 259). Дополнительно Крымский ЦИК созвал научное совещание для обсуждения вопроса о характере и последствиях землетрясения и о применении антисейсмического строительства, что позволило значительно снизить панические настроения местного населения. По итогам совещания было признано, что Академии наук СССР необходимо организовать сейсмологическое научное исследование Крыма. В заключении заседания был

сделан вывод: «сентябрьское землетрясение, хотя и является наиболее сильным за последнее столетие, но никаких серьезных нарушений на земной поверхности в пределах всего Крыма и его берегов – в виде провалов, глубоких трещин, затопления берегов, возникновения вулканов и вулканических взрывов и прочее – нет оснований ожидать ни в настоящем, ни в ближайшем будущем» (ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 332. Л. 259-260).

4. Заключение

В 1927 г. в Крыму произошло два землетрясения – в июне и сентябре. Июньское землетрясение в основном оказало эмоциональное воздействие на население, вселив страх и панику, но не имело серьезных разрушительных последствий. Катастрофическим было сентябрьское землетрясение, в результате которого погибли люди, были разрушены и повреждены школы, больницы, санаторно-курортные учреждения, здания предприятий, жилые дома. Общий ущерб от сентябрьского землетрясения составил порядка 44 млн. рублей. Наибольший урон был отмечен в Ялтинском и Севастопольском районах.

Предпринятые советским руководством меры по ликвидации последствий природной стихии имели всесоюзный характер, гуманитарная помощь доставлялась из разных уголков страны, в том числе благодаря средствам массовой информации, которые освещали последствия крымской трагедии. С другой стороны, решения по ликвидации последствий землетрясения были не всегда эффективны, а временные постройки для пострадавших оказались не пригодны для проживания в наступивший зимний период, в результате чего обострились инфекционные заболевания, приведшие к эпидемии, от которой умерли сотни людей.

5. Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 18-05-80043 «Опасные природные явления и социальные процессы в Причерноморье, Приазовье и Прикаспии: проблемы взаимозависимости и взаимной обусловленности».

Литература

- ГАРК – Государственный архив Республики Крым
 Двойченко, 1928 – Двойченко П.А. Черноморские землетрясения 1927 года в Крыму // Черноморские землетрясения 1927 года и судьбы Крыма. Симферополь: Крымское государственное издательство, 1928. С. 77-98.
 Кельин, 1928 – Кельин Н.В. Некоторые данные о последнем землетрясении в Крыму // Землеведение. 1928. Т. 30. Ч. 1, 2. С. 18-23.
 Лебедев, 1927 – Лебедев Н.К. Почему бывают землетрясения. М.–Л.: Гос. изд-во, 1927. 47 с.
 Никонов, 2003 – Никонов А.А. Раненый Крым. По следам разрушений крупнейшего на полуострове в XX веке природного бедствия // Крымский альбом: Историко-краеведческий литературно-художественный альманах. Феодосия; М.: Коктебель, 2003. С. 72-81. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/krimskiy-albom-2002-7.html> (дата обращения: 12.03.2021).
 Пустовитенко и др., 1989 – Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Горячун А.В. Землетрясения Крымско-Черноморского региона. Киев: Наукова думка, 1989. 187 с.

References

- GARK – Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym [State Archives of the Republic of Crimea].
 Dvoichenko, 1928 – Dvoichenko, P.A. (1928). Chernomorskie zemletryaseniya 1927 goda v Krymu [Black Sea earthquake of 1927 in the Crimea]. Chernomorskie zemletryaseniya 1927 goda i sud'by Kryma [Black Sea earthquakes of 1927 and the fate of the Crimea]. Simferopol': Krymskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 77-98. [in Russian]
 Kel'in, 1928 – Kel'in, N.V. (1928). Nekotorye dannye o poslednem zemletryasении v Krymu [Some data on the last earthquake in Crimea]. *Zemlevedenie*. 30: 1, 2: 18-23. [in Russian]
 Lebedev, 1927 – Lebedev, N.K. (1927). Pochemu byvayut zemletryaseniya [Why do earthquakes happen]. М.–Л.: Gos. izd-vo, 47 p. [in Russian]

Nikonov, 2003 – *Nikonov, A.A.* (2003). Ranenyi Krym. Po sledam razrushenii krupneishego na poluostrove v XX veke prirodno bedstviya [Wounded Crimea. In the wake of the destruction of the largest natural disaster on the peninsula in the 20th century]. Krymskii al'bom: Istoriko-kraevedcheskii literaturno-khudozhestvennyi al'manakh [Crimean Album: Historical and Local Lore Literary and Artistic Almanac]. Feodosiya; M.: Koktebel', pp. 72-81. [Electronic resource]. URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/krimskiy-albom-2002-7.html> (date of access: 12.03. 2021). [in Russian]

Pustovitenko i dr., 1989 – *Pustovitenko, B.G., Kul'chitskiĭ, V.E., Goryachun, A.V.* (1989). Zemletryaseniya Krymsko-Chernomorskogo regiona [Earthquakes of the Crimean-Black Sea region]. Kiev: Naukova dumka, 187 p. [in Russian]

Социальные последствия сентябрьского землетрясения в Крыму в 1927 г.

Диана Дмитриевна Челпанова ^{а,*}

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ социальных последствий землетрясений в Крыму (южное побережье), произошедших в июне и сентябре 1927 г., и ликвидационных мер, предпринятых советским руководством. Сентябрьское землетрясение имело катастрофические социально-экономические последствия. Общий ущерб от разрушений был оценен в 44 млн рублей. Наибольший урон был нанесен Ялтинскому и Севастопольскому районам Крыма. В бедственном положении оказалось местное крестьянство, потерявшее свое жилье вследствие природной катастрофы. Ситуация усугубилась ростом инфекционных заболеваний и недостаточностью медицинской помощи, что привело к эпидемии, от которой умерли сотни людей. Значительные разрушения получили медицинские, образовательные, санаторно-курортные учреждения и здания жилищного фонда. Положение в Крыму усложнилось недородом. Меры, предпринятые советским руководством по ликвидации последствий бедствия, имели всесоюзный характер. Гуманитарная помощь поступала из различных регионов, в том числе благодаря средствам массовой информации, освещавшим трагедию.

Ключевые слова: социальные последствия, землетрясение, опасное природное явление, природное стихийное бедствие, Крым, 1927 г., южное побережье Крыма, ликвидационные меры.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: chelpanova@ssc-ras.ru (Д.Д. Челпанова)